

ПЕТРОВ Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 150 научных публикаций, в т. ч. трех монографий (двух в соавт.), двух учебных пособий

ДВА ВАРИАНТА ОДНОГО РАССКАЗА НИКОЛАЯ ЖЕРНАКОВА

В статье сопоставляются два варианта рассказа «Солдатки» («Беседа») архангельского писателя Николая Кузьмича Жернакова. Данный рассказ построен как разговор пожилых крестьянок, носительниц северного народного говора, в нем представлена только прямая речь персонажей без слов автора и ремарок, поэтому его можно рассматривать как образец живой, непосредственной северной диалектной речи. Существует два варианта рассказа, которые условно можно назвать «архангельский» и «московский» (по месту издания). Сопоставление двух версий одного произведения представляет большой интерес, поскольку позволяет заглянуть в творческую лабораторию писателя, оценить его поиски и сомнения, осознать противопоставление писательского замысла и редакторской правки. При анализе автор обращает внимание на семантику заглавия как важнейшего способа выражения авторской позиции, на наличие в одном из вариантов подзаголовка. Подробно рассматриваются лингвистические способы создания образов главных героинь рассказа Фёклы и Агафьи и образа основного повествователя – Прасковьи, личности сильной, яркой и талантливой. Сравняются особенности употребления лексических, фонетических, грамматических диалектизмов и других элементов разговорной речи в разных вариантах произведения, дается лексикографическое описание анализируемых языковых единиц. Оба варианта рассказа Н.К. Жернакова «Солдатки» («Беседа») обладают немалыми достоинствами, интересны по содержанию и по форме, поднимают важные нравственные проблемы, отражают специфику живой северной народной речи.

Ключевые слова: разговорная речь, заглавие художественного произведения, образность речи, семантизация диалектизмов.

«Такие писатели, как Николай Жернаков, – гранитное основание нашей литературы, – пишет Ш.З. Галимов. – При всем тематическом и жанровом многообразии творчества Жерна-

кова цель у писателя одна – духовно возвысить, обогатить читателя, укрепить у него веру в жизнь, в народные идеалы, сделать его лучше, сильнее, чище» [1, с. 36]. Действительно,

творчество выдающегося архангельского писателя Николая Кузьмича Жернакова (1914–1988), 100-летие со дня рождения которого мы недавно отметили, гуманно по идее, глубоко по содержанию и совершенно по форме, его лучшие произведения не утратили актуальности сегодня, его мысли и тревоги продолжают нас волновать, его образы поражают своей достоверностью и жизненной силой. Как отмечает Ш.З. Галимов, «важным достоинством прозы Жернакова является органическое сочетание в его книгах темы мирной жизни деревни с темой фронтовых испытаний, с темой войны. Этого мог достичь только писатель-фронтвик» [1, с. 36].

Одним из значительных произведений Н.К. Жернакова, посвященных военной теме, следует признать рассказ «Солдатки», именно под таким названием он выходит в 4 сборниках: «Не море – ветры топят корабли»¹, «Солдатские были»², «Фронтвая страда»³, «Слушайте нас, живые...»⁴, однако в сборнике «Светлый мастер»⁵ этот же рассказ опубликован под заголовком «Беседа», и, как показывает текстологический анализ, данный вариант несколько отличается от варианта «Солдаток». В сборнике «Солдатские были» рассказ имеет подзаголовок в скобках «подслушанный разговор». К тому же в московском сборнике «Фронтвая страда» публикуется точно такой же вариант, как и в сборнике «Светлый мастер» (правда, под другим названием), а в архангельском сборнике 1990 года повторяется вариант 1979-го, значительно отличающийся от варианта 1978 года. Следовательно, можно условно говорить о двух вариантах этого рассказа – «архангельском» и «московском».

На наш взгляд, большой интерес представляет сопоставление двух версий одного произведения, которое позволит заглянуть в творческую лабораторию писателя, оценить его поиски и сомнения, а, может быть, и осознать вечное противопоставление писательского замысла и редакторской правки.

Данный рассказ интересен прежде всего тем, что представляет собой образец непосредственной живой северной речи со всеми ее диалектными особенностями – монолог основной рассказчицы (пожилой крестьянки, носительницы северного говора), иногда прерываемый репликами других персонажей (ее ровесниц и землячек), при полном отсутствии ремарок и комментариев автора-повествователя. В рассказе речь идет о двух женщинах, чьи судьбы резко изменила Великая Отечественная война, как резюмирует рассказчица: *«Не война – может, не так бы все и повернулось»*⁶.

Одним из важнейших способов выражения авторской позиции в художественном тексте является заглавие. «Находясь вне основной части текста, оно занимает абсолютно сильную позицию в нем. <...> Это первый знак произведения, с которого начинается знакомство с текстом. Заглавие активизирует восприятие читателя и направляет его внимание к тому, что будет изложено далее» [2, с. 168]. Рассмотрим с этой точки зрения заглавие двух вариантов анализируемого рассказа.

Слово «солдатка» в словаре С.И. Ожегова толкуется так: «В дореволюционной России: жена солдата (сейчас обычно о жене солдата, ушедшего на войну; разг.)»⁷. Персонажи рассказа, участницы разговора, если судить по некоторым деталям, – солдатские вдовы, к тому же

¹Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли: повести и рассказы. Архангельск, 1978. 180 с.

²Жернаков Н.К. Солдатские были: повести и рассказы. М., 1979. 250 с.

³Жернаков Н.К. Фронтвая страда: повести и рассказы. М., 1987. 506 с.

⁴Жернаков Н.К. Слушайте нас, живые...: рассказы. Архангельск, 1990. 232 с.

⁵Жернаков Н.К. Светлый мастер: повести и рассказы. М., 1982. 342 с.

⁶Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 132.

⁷Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 743.

в тексте уточняется значение слова «солдатка» – не жена солдата, а именно вдова. «*Завидки тебя берут, Феклуша... У меня и Дёмка, у меня и законный муж едет. Не беспокойся, от меня не отстанет. А вот ты так и зачахнешь в солдатках*»⁸, – говорит одна из героинь своей соседке-вдове. Поэтому заголовок «Солдатки» дает точное представление об обстоятельствах действия и художественном времени произведения, характеризует участниц разговора, объединенных одним социальным положением и сходным эмоциональным состоянием, настраивает на определенное восприятие рассказа. К тому же данное заглавие представляет и героинь повествования, являющихся объектом обсуждения, – Фёклу и Агафью, одноклассников, подружек, соседок, а затем и соперниц – обе они тоже солдатки: одна вдова, другая – неверная жена солдата.

Словарное толкование лексемы «беседа» – «разговор, обмен мнениями»⁹ – всего лишь указывает на форму изложения рассказа, такое название малоинформативно, стилистически нейтрально, не вызывает особых ассоциаций, эффекта ожидания при этом не возникает, место и время действия рассказа, а также его персонажи никак не проявляются, ни темой, ни ремой текста этот заголовок в сознании читателя не становится. Можно предположить, что здесь использовано диалектное слово «беседа» в одном из своих значений «совместное времяпрепровождение, посиделки»¹⁰, которое косвенно указывает на обстоятельства действия рассказа, однако и в данном случае трудно признать заголовок удачным, такое значение слова не относится к общеупотребительным и поэтому не может вызвать у большинства читателей ожидаемых ассоциаций. В связи с этим становится ясно, почему название «Беседа» встречается лишь однажды и в последующих изданиях не ис-

пользуется. К слову сказать, в сборнике «Светлый мастер» это не единственный случай переименования: рассказ «Вдова», известный по многим публикациям писателя, здесь дается под названием «Память», символический заголовок «Тройка» преобразуется в нейтральный «Лесная дорога», заглавие повести «Непокорный пасынок» теряет оценочное определение и становится просто «Пасынком». Видимо, здесь сказывается влияние редактора данного сборника А.Л. Никитина.

Подзаголовок «подслушанный разговор», который дается рассказу в сборнике «Солдатские были», тоже не представляется нам удачным: кто и почему подслушивает разговор женщин, зачем делается это тайно? Следует отметить, что именно в этом сборнике подзаголовки в скобках приобретает еще несколько произведений Н.К. Жернакова, которые в других изданиях публикуются без них: «Василиса» (из фронтового блокнота), «Енька» (фронтовая быль), «Ваше здоровье!» (рассказ ветерана за праздничным столом). Редактор сборника – И.Ф. Петрова.

Весьма важным нам представляется образ основного повествователя – Прасковьи, личности сильной, яркой и, безусловно, талантливой; неоднократно собеседницы характеризуют ее как прекрасную рассказчицу: *ты порато хорошо сказывашь*. Причем в архангельском варианте ее величают Парасковьей, а в московском – чаще Параней, в том и другом варианте встречается и ласковое обращение Парасковьюшка.

Речь Прасковьи отличается незаурядной образностью (...*серцо-то не остыло ишо, кинит там слеза по Митрею*¹¹; *Кусты уж на ветру листовьем заразговаривали...*¹²), ярко выраженной экспрессивностью (*Ой, горе-горькое! Много в те поры похоронных носили...*¹³),

⁸Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 24.

⁹Ожегов С.И. Словарь русского языка... С. 50.

¹⁰Архангельский областной словарь. М., 1982. Вып. 2. С. 10.

¹¹Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 127.

¹²Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 25.

¹³Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 127.

четко выстроенной речевой тактикой (*Ну ладно. Горе – горем, а дело – делом*¹⁴), сказовыми фольклорными приемами (*Долго ли, коротко ли в острову побыла...*¹⁵). Прасковья остра на язык (*Ну и язычок у ты, Парасковья! Чтоб ты треснуло! – Какой есть*¹⁶), она очень ревниво относится к своему ораторскому дару, поэтому время от времени пеняет неблагодарным слушательницам, которые смеют ее перебивать или сомневаться в правдивости ее повествования: *Ну, большие знашь коли – сама и рассказывай*¹⁷; *Только кто большие знат, пускай помалкиват*¹⁸; *Ежели кто шио перебьет, слова боле не пророню!*¹⁹ Достается от Прасковьи и объектам ее меткой и беспощадной оценки: *Дак Гитлер, людоед проклятуший, всех извел...*²⁰; *Сказывают, сам директор леспромхоза, седой пес, от живой жены к Агафье увеивался не единожды*²¹; *А Олёкса наш – не приведи бог! Язык у его – помело, не язык*²². Прасковья и сама равнодушна к собственному рассказу, ощущается, что у нее в сознании четко проявляются определенные образы, ее захлестывают вызванные повествованием чувства и переживания: – *Погоди, Олена, дай продохнуть... В грудях чегой-то подступило*²³.

Интересно, что по-разному называет рассказчица основных героинь в разных вариантах: в архангельском – Агафьей и Феклушкой (иногда Феклушей), в московском – Агашкой

(лишь однажды Агафьей) и Феклушей. Предпочтение Прасковья явно отдает Феклуше, поэтому московский вариант, на наш взгляд, точнее отражает отношение рассказчицы к героиням своего повествования, все-таки в номинации *Феклушка* больше ощущается пренебрежительность, а не ласкательность. Хотя, конечно, можно прочитать и *Фёклушка*, однако точки над ё ни в одном из изданий не стоят.

Фёкла и Агафья были подругами: *Таки ли подружки – не разлей водой*²⁴, в московском варианте появляется еще определение: *подружки несусветные*²⁵. У Агафьи один ребенок, у Фёклы – четверо, муж Агафьи Иван всю войну был на фронте и готовился вернуться домой, а мужа Фёклы Дмитрия взяли только на третий год, и вскоре он был убит. Агафья не отличалась верностью: *Не хочу напраслины, девки, а только похаживали к ей некоторые*²⁶; Фёкла же, напротив, была строга нравом, ей *всегда тошно было на подружкины гули-разгули глядеть*²⁷; на этой почве они и рассорились, поскольку невыносимо было Фёкле осознавать, что ее-то Дмитрий никогда не вернется, а гулящей подруге улыбнулось счастье – едет к ней ее Иван. Только так вышло, что первой Ивана встретила именно Фёкла и в ответ на его сомнения по поводу верности жены сказала: *Лучше женки твоей – поискать: я плохого об ей от людей не слыхивала, а сама как-то не удосуужи-*

¹⁴Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 127.

¹⁵Там же. С. 130.

¹⁶Там же. С. 129.

¹⁷Там же. С. 128.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. С. 130.

²⁰Там же. С. 127.

²¹Там же. С. 128.

²²Там же. С. 130.

²³Там же. С. 131.

²⁴Там же. С. 127.

²⁵Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 21.

²⁶Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли. С. 128.

²⁷Там же. С. 129.

лась подмечать²⁸. Однако невольный свидетель их встречи Олѣкса-рыбак успел рассказать о ней Агафье, которая в сердцах бросилась навстречу мужу с покаянием: *Да прости ты меня, окаянную! Да не верь ты ей, Феклушке, егарме, и такой, и сякой! Да что она губит меня, креста на ней нет. Да ежели и было чего, дак не сколько разов и всего-то...*²⁹ И не вернулся Иван в свой дом, поселился у друга, а через какое-то время начал жить с Фёклой: *Как они сладились, не знай, а только Иван-от скорехонько и в дом к ей, Феклушке, перешел*³⁰.

По всему видно, что данная житейская история о невероятных поворотах судьбы запала в душу односельчан, стала своеобразной местной легендой, которая обросла подробностями, выразительными красотами, перешла в разряд фольклорных сказаний. Ее с удовольствием рассказывают приезжим, несведущим, видимо, таковой является упоминаемая в рассказе Олѣна, причем доверяют рассказ самым талантливым сказителям, таким как Прасковья: – *Валяй, Парасковья, ты порато хорошо сказываешь. И мы заодно послушам, не для одной Олены-барыни*³¹. Как и полагается, сведущие слушатели ревниво следят за точностью изложения и потому иногда перебивают рассказчицу: *Я не к тому, девка, чтобы в обиду, а только я люблю, чтоб правду сказывали*³²; – *Может, ты, Степанида, сама дале-то все и сказывать станешь? Раз уж так насыкаешься... – Где мне супротив тебя! А только надо всю чисту правду говорить, а не выдумывать...*³³

В речевой ситуации описываемого разговора проявляется еще один колоритный образ –

простодушная правдоискательница Степанида, дважды перебивающая Прасковью и всякий раз сама попадающая впросак: – *Ой, помолчала бы ты, Степанида! Все знам: и у кого бывал, и кого наведывал*³⁴. А в конце рассказа расчувствовавшаяся Степанида вновь привлекает к себе внимание рассказчицы: *А ты чево засопела, Степанида? Ладно. Было да прошло*³⁵.

К концу повествования все слушательницы присмирели, расчувствовались, задумались, видно, о своем вдовьем житье-бытье – такова сила живого образного слова, хоть и знают все всё, хоть героинями сказания и являются их односельчанки, с которыми они могут встретиться ежедневно, все равно волнует их эта история, поскольку вышла она за пределы бытового существования, став произведением народного искусства.

Финал рассказа в разных вариантах отличается: московский как бы обрывается на полуслове: *Не война бы, дак, может, не так бы все и повернулось...*³⁶ – многоточие предполагает многозначительность, повисшую раздумчивую тишину, недосказанность; в архангельском варианте далее следует чья-то реплика: – *То так, да не вовсе так...*, затем – строчка из точек и вопросительная фраза, скорей всего, Прасковья: – *Чего присмирели, женки?*³⁷ В изданиях 1979 и 1990 года строчка из точек снята. Оставшийся без ответа вопрос провоцирует на размышления, сопереживание.

Николай Кузьмич Жернаков, сам вышедший из гущи народной жизни, мастерски владеет народным языком, умело использует все средства живой диалектной речи, что особенно

²⁸Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 130.

²⁹Там же. С. 131.

³⁰Там же. С. 132.

³¹Там же. С. 127.

³²Там же. С. 128.

³³Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 24.

³⁴Там же. С. 23.

³⁵Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 131.

³⁶Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 26.

³⁷Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 132.

ощутимо в данном рассказе, целиком состоящем из реплик персонажей. В обоих вариантах произведения можно обнаружить характерные черты северного говора: лексические, фонетические, грамматические, нельзя сказать, что какой-либо из вариантов является более точным или более удачным в этом плане, однако разница все-таки имеется. Сопоставим использование диалектизмов и других разговорных средств в разных вариантах рассказа.

Так, в том и другом варианте происходит смешение стяженных форм глаголов и прилагательных: можно встретить *понимаешь* и *понимашь*, *слушаем* и *слушам*, *золотые* и *золоты*, однако следует отметить, что более последовательно передает эту фонетическую черту архангельский вариант. В обоих вариантах встречается особое произношение, основанное на ассимиляции губных согласных: *оммер* на месте *обмер*. Если в архангельском варианте регулярно используется *ишо* на месте *еще*, *это* вместо *это*, а также такая графическая стилизация разговорной речи, как *што* вместо *что* и *чево*, *тово* на месте *чего*, *того*, то в московском более точно отмечается особенность произношения долгих шипящих: *трепешитесь*, *проклятушиишй*. В архангельском варианте чаще употребляются разнообразны постпозитивные частицы: *Иван-от*, *старшому-то*, *ночь-ту*, союз *дак*, местоимения 3 лица без добавочного *н* перед предлогами: *к ей*, *от ей*, *без его*, *к ему*, более последовательно используются *куды*, *когда* на месте *куда*, *когда*, *тя* вместо *тебя*.

Отметим еще несколько отличий (слева – пример из архангельского варианта, справа – из московского). Лексико-фонетические особенности: *серцо* – *сердцо*, *журавы* – *жаравы*, *посля* – *после*, *у соседей* – *у соседей*, *портрет-то* – *портрет-то*,

вечор – *вечер*; грамматические особенности: *дельный* – *дельной*, *по которой год* – *которой год*, *промеж их* – *промежду их*, *подружка с ей* – *подружка ей*, *Ивану на шею* – *к Ивану на шею*; лексические особенности: *до последок* – *до последнего дня*, *на огороди* – *на шесте*, *метлу за порог* – *метлу в притвор*, *не единожды* – *не по один раз*, *таку* – *эку*, *так они идут* – *таким манером они идут*, *намеки* – *наметки*.

Характерные для разговорной речи дефисные конструкции, используемые в архангельском варианте, в московском заменяются на сочинительные сочетания с союзом *да*: *орут-колготятся* – *орут да колготятся*, *гули-разгули* – *гули да разгули*. В том и другом варианте встречается образное сложносоставное наименование *беда-радость*, передающее особое состояние: *А тут к одной беде-радости другая: весна кругом, живет все, трепещется*³⁸.

В московском варианте чаще, чем в архангельском, используются различные средства организации разговорной речи: обращения (*девки*, *женки*), вводно-контактные элементы (*слышь*, *мол*; *сами*, *поди*, *знаете*) и оценочные приложения (*И пошла*, *дуреха*, *выпевать*...).

В обоих вариантах можно обнаружить характерные для разговорной речи лексические повторы: *Побелела*, *враз побелела с горя Марьюшка*³⁹; *...озера в острове стоном стонут*⁴⁰; *Так они идут к дому, разговоры разговаривают*...⁴¹; яркие образные средства – метафоры и сравнения: *Стала, бедна, эдак у дороги за куст, захолонула вся, будто в росной траве ночью лежала*⁴²; *Они подъезжают: а она на берегу торчит, а глаза – как уголья*⁴³; *А как крылышки те опали, с тем же Дёмкой и записалась*⁴⁴; выразительные присловья: *у масла – не без сыворотки*; *сто рублей дай – не заденет, в таки*

³⁹Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 127.

⁴⁰Там же.

⁴¹Там же.

⁴²Там же. С. 130.

⁴³Там же.

⁴⁴Там же. С. 131.

ночи без горя не спишь; необычное безличное предложение: *Гляди, как бы не отлилось тебе за мое горе*⁴⁵.

Следует отметить, что используемая в архангельском варианте удачная, весьма емкая метафора *подожгла Феклушку* в московском варианте несколько теряет выразительность, поскольку подробно разъясняется в контексте: *подожгла Феклушино горе по Митрею-то*.

В обоих вариантах немало используется лексических диалектизмов, значение которых непонятно широкому кругу читателей, однако в таком рассказе без них не обойтись. Рассмотрим, каким образом происходит семантизация диалектной лексики. Так, слово *ограбки* «остатки сена после уборки стогов»⁴⁶ разъясняется в последующем контексте: *Суседи спросят, дак она им: за ограбками, мол, за сенишком, что по остожьям осталось с зимы*⁴⁷; при этом угадывается и значение слова *остожье* «ровное, расчищенное место, на котором ставят стог»⁴⁸, хотя специально и не поясняется. Здесь же через синоним *охапка* раскрывается значение слова *беремце* «небольшая мера сена»⁴⁹:

*привезет когда беремце, ну так – охапочку, овчишкам нечего под нос сунуть*⁵⁰.

Из контекста становится понятным слово *аварийка* в значении «деревья, лес, оставшийся от основного сплава»⁵¹, прочно ассоциирующееся с литературным словом *авария*: *Не за ограбками ездила Феклушка – за аварийкой* <...> *Днем-то поди спробуй: приведи за карбасом хламину – враз и зацапает сплавная*⁵².

В диалоге проясняются значения экспрессивных глаголов: *ереститься* «раздражаться, сердиться»⁵³, *насыкаться* «задевать кого-либо, вызывая на ссору, драку»⁵⁴, *грать* «смеяться, хохотать»⁵⁵, *очунеть* «потерять соображение, очуметь, одуреть»⁵⁶, например: – *Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! – С чего вы граете-то? Очунели вовсе*⁵⁷. Из описываемой ситуации можно распознать, что означают слова: *тоснуть* «ныть, болеть»⁵⁸, *баять* «говорить, рассказывать, сообщать»⁵⁹, *гоношить* «делать что-нибудь, работать»⁶⁰, *егарма* «старая, некрасивая, плохо одетая женщина»⁶¹, *порато* «очень, весьма»⁶², *назём* «навоз»⁶³, например: *...таково ли серцо тоснет; Да разве кто баёт о тебе?; День в колхозе работат,*

⁴⁵Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 129.

⁴⁶Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 351.

⁴⁷Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 22.

⁴⁸Словарь русских народных говоров. Л., 1989. Вып. 24. С. 68.

⁴⁹Архангельский областной словарь. М., 1982. Вып. 2. С. 7.

⁵⁰Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 22.

⁵¹Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1. С. 62.

⁵²Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 22.

⁵³Архангельский областной словарь. М., 2010. Вып. 13. С. 124.

⁵⁴Словарь русских народных говоров. Л., 1985. Вып. 20. С. 209.

⁵⁵Архангельский областной словарь. М., 1999. Вып. 10. С. 29.

⁵⁶Словарь русских народных говоров. Л., 1990. Вып. 25. С. 72.

⁵⁷Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 23.

⁵⁸Словарь русских народных говоров. СПб., 2011. Вып. 44. С. 297.

⁵⁹Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1. С. 136.

⁶⁰Архангельский областной словарь. М., 1996. Вып. 9. С. 308.

⁶¹Архангельский областной словарь. М., 2010. Вып. 13. С. 21.

⁶²Словарь русских народных говоров. СПб., 1996. Вып. 30. С. 51.

⁶³Словарь русских народных говоров. Л., 1983. Вып. 19. С. 280.

вечером во дворе ейном гоношит. Структура словообразовательных диалектизмов говорит сама за себя: *в зареку, надея, попереди, жаравы, до последок, обработь, захолонуть, обеспамятеть, спробовать*, например: *А только надеи на меня больше не имей*⁶⁴; *Ребята круг его, как обеспамятели: лезут, обработи мужику-то*⁶⁵.

Сложнее разобраться с семантическими диалектизмами, поскольку они являются омонимами литературных слов, однако и они легко распознаются в контексте: *уходить* «лишить жизни, убить»⁶⁶: *В одной нашей деревне скольких мужиков-то уходили насмерть*⁶⁷ – причем в архангельском варианте диалектное слово заключено в кавычки, в московском – кавычки сняты; *досадить* «причинить обиду» – переносное от «ушибить, ударить, ранить кого-либо»⁶⁸: *Когда ей досадила Агашка-то, она ей и отбрила*⁶⁹.

Рассказ Н.К. Жернакова «Солдатки» («Беседа») интересен по содержанию и по форме,

он поднимает важные нравственные проблемы и обладает немалым выразительным потенциалом, отражает специфику живой северной народной речи и затрагивает скрытые струны человеческой души. Два варианта этого рассказа следует воспринимать как данность, разница между ними несущественна, оба они обладают немалыми достоинствами и поэтому заслуживают читательского внимания. К слову сказать, общий тираж московского варианта – 130 тыс. экз. (с названием «Беседа» – 30 тыс.), в то время как архангельского – 91 тыс. (сюда добавлено 65 тыс. экз. московского издания 1979 года). Какой из этих вариантов ближе к авторскому замыслу, мы можем только догадываться, ясно лишь, что автор явно предпочитал название «Солдатки» (четыре издания против одного). В любом случае сопоставление двух вариантов позволило нам лучше понять особенности творчества выдающегося северного писателя Николая Кузьмича Жернакова.

Список литературы

1. Галимов Ш.З. Подвиг Николая Жернакова // Двина. 2004. № 4. С. 35–36.
2. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003. 256 с.

References

1. Galimov Sh.Z. Podvig Nikolaya Zhernakova [The Heroic Deed of Nikolay Zhernakov]. *Dvina*, 2004. no. 4, pp. 35–36.
2. Nikolina N.A. *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological Text Analysis]. Moscow, 2003. 256 p.

⁶⁴Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 26.

⁶⁵Там же. С. 26.

⁶⁶Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 422.

⁶⁷Жернаков Н.К. Светлый мастер... С. 22.

⁶⁸Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8. С. 138.

⁶⁹Жернаков Н.К. Не море – ветры топят корабли... С. 129.

Petrov Andrey Vasilyevich

Institute of Philology and Cross-Cultural Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
7 Smolnyy Buyan St., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; *e-mail*: avpetrov@atknet.ru

TWO VERSIONS OF THE SAME STORY BY NIKOLAY ZHERNAKOV

The article compares two versions of the story *Soldiers' Wives (A Conversation)* by N.K. Zhernakov, a writer from Arkhangelsk. This story is a fine sample of real-life northern dialectal speech; it is a dialogue of old peasant women – bearers of the northern dialect – without any remarks or comments from the author. There are two versions of this story, the Arkhangelsk and the Moscow one (according to the place of publication). A comparison of two versions of one work is of great interest as it allows one to peep into the writer's study, evaluate his creative process and doubts and realize the juxtaposition between the writer's intentions and editor's alterations. While analysing, we focused on the semantics of the title as the most important way of expressing the author's viewpoint and on the existence of a subtitle in one of the versions. We examined in detail the linguistic means of creating the images of the story's protagonists – Fekla and Agafya – and the main narrator, Praskovya, a remarkable, strong and gifted person. Further, we compared the peculiarities of the use of lexical, phonetic and grammatical dialecticisms and other elements of spoken language in the two versions. We also provide a lexicographic description of the analysed linguistic units. Both versions of N.K. Zhernakov's story *Soldiers' Wives (A Conversation)* are of interest due to their content and form; they have considerable expressive potential, touch upon vital moral issues and reflect the specificity of the living northern folk speech.

Keywords: *spoken language, fiction title, figurative language, semantization of dialecticisms.*

Контактная информация:
адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7;
e-mail: avpetrov@atknet.ru